

Л. А. ГИНДИН

ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОЙ БАЛКАНИСТИКИ (Лингвистический аспект)

Привычный термин «античный» здесь предлагается понимать как обозначение периода, значительно более протяженного в глубину, чем это принято в исторической науке. Обычно его употребляют в применении к греко-римской эпохе и воспринимают «античный» в качестве синонима понятий «древнегреческий» и «древнеримский». Соответственно все то, что существовало в многовековый отрезок времени до прихода греческих и итальянских племен в район Средиземноморья (первые на рубеже III и II тысячелетий, вторые несколько позже), автоматически зачисляется в разряд явлений «примитивных», относящихся к первобытной истории, причем «примитивный» зачастую понимается не как «первоначальный» (ср. лат. *primitivus*), но как «несложный, простейший и пр.». Несмотря на указанное неудобство и некоторое шокирующее впечатление, оказываемое во всяком случае на эллиниста, по традиции соотносящего «античный» с хронологическими рамками греко-римского мира, предлагаемый термин обладает, тем не менее, рядом существенных преимуществ по сравнению с весьма расплывчатым термином «древний». Это преимущество связано главным образом со специфическими особенностями фактической базы, представляющей собой значительное, но, к сожалению, и разнохарактерное по времени и способу фиксации множество имен собственных, в передаче греческих, римских и византийских авторов, а также очень скудных письменных памятников, относящихся именно к античному периоду. Тем самым античная лингвистическая балканистика, охватывая материал, восходящий в определенной мере к доэллинистскому, т. е. доантичному периоду (языки догреческого субстрата, фракийский и т. д.), целиком включается на правах самостоятельной дисциплины в область классической филологии, на что хотелось бы обратить специальное внимание. Следует заметить, что термин «античная балканистика» в таком случае применим только к лингвистическому аспекту, так как другие дисциплины не ограничивают круг прямых источников античными письменными памятниками. Однако данный термин отнюдь не изоморфен лингвистическому понятию «современная балканистика» и, в отличие от последнего, не предполагает *implicite* наличие языкового союза¹, хотя отдельные черты (элементы) такового мо-

¹ Не лишне отметить, что далеко не все ученые считают необходимым прибегать к понятию языкового союза при объяснении специфических лингвистических феноменов, свойственных современным балканским языкам, например, таких взглядов придерживался А. Мейе, резко отрицавшую позицию занимали С. Младенов, А. Белич, в настоящее время — Й. Заимов. Изложение мнений на этот счет (с литературой) см. в докладе Вл. Георгиева «Le problème de l'union linguistique balkanique» («Actes du I Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes», VI — Linguistique, Sofia, 1968, стр. 7 и сл.), постулирующего балканский языковой союз и для более древних периодов; ср.: С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, М., 1961, стр. 13; о полемике между Вл. Георгиевым и Й. Заимовым по поводу термина «балканистика» см. в указанных материалах конгресса (стр. 181).

гут быть выявлены уже на современной ступени наших знаний о реликтовых языках Балканского по-ова ². Античная балканистика в том виде, в каком она здесь рассматривается, скорее адекватна традиционным понятиям генеалогической и ареальной лингвистики, опирающимся, помимо родства, на географический признак (ср. индоевропеистику и пр.) ³.

1. Источники. Конкретные источники наших настоящих и, позволим себе некоторую долю оптимизма, будущих знаний о реликтовых языках Балканского п-ова, в противоположность общепринятому мнению, не так уж скудны; впрочем степень полноты и сохранности варьируется по отдельным языкам.

а) Фактический материал, ономастический (топонимия, антропонимия, этнонимия, имена и эпитеты богов) и этнологический, сохранившийся в греко-римских передачах и прямых свидетельствах, черпается из работ Гомера, Герадота, Фукидида, Ливия, Страбона, Павсания, Плиния, Аппиана, Арриана, Псевдо-Скилака, Псевдо-Скимна, Стефана Византийского, Прокопия Кесарийского, Иордана, Гесихия и многих других менее известных античных и византийских авторов, включая различных схолиастов, располагающихся в огромном, более чем полуторатысячетлетнем хронологическом промежутке, если временем создания отдельных отрезков гомеровских поэм считать по меньшей мере XIII—XII вв. (время кодификации VI в. до н. э.), и учесть, что Стефан Византийский и Прокопий Кесарийский писали свои сочинения в VI в. н. э.

б) Немалое число оригинального и корригирующего материала содержит вторая группа источников, состоящих из эпиграфики с интересующих нас и сопредельных территорий на греческом и латинском языках (надписи на монетах, печатах, эпитафии, папирусы). К несчастью, и без того скудные надписи на предположительно туземных языках метрополии (20 очень кратких из Фракии) пока еще далеки от удовлетворительной расшифровки. Единственная балкано-иллирийская надпись из трех слов на перстне оказалась греческой раннехристианского периода. Более двух с половиной сотен крайне кратких надписей на мессапском, который давно генетически идентифицирован с иллирийским, не восполняют недостатка в письменных источниках по иллирийскому языку в силу своей жанровой ограниченности. Более пространственные и разнообразные древнефригийские (VII—V вв. до н. э.) и позднефригийские (II—III в. н. э.) надписи все без исключения обнаружены в Малой Азии.

в) Третья группа фактов, помогающих реконструировать древнейшее лингвистическое состояние и этнические процессы на Балканах, извлекается из современной топонимии Балканского п-ова и соседних регионов, в частности, таковой служит балтийская и славянская ономастика.

г) Четвертый источник — это так называемые субстратные слова, сохранившиеся в письменной и устной традиции современных балканских языков. При этом удельный вес таких апеллятивов в исследовании различных реликтовых языков Балкан далеко не одинаков. Необходимо особо подчеркнуть, что на Балканском п-ове единый гомогенный субстрат не прослеживается ни на юге, ни в центральноевропейской части. Так, инородные лексические вкрапления в словаре древнегреческого языка, где они составляют с небольшими отклонениями довольно однородную группу «технических» терминов и названий растений, сыграли значительную,

² Ср. Л. А. Гиндин, К вопросу о древнебалканской индоевропейской переходной зоне, «Résumés des communications. XI-e Congrès international des sciences onomastiques», Sofia, 1972 (ротапринт).

³ Пользуюсь случаем принести благодарность О. Н. Трубачеву, прочитавшему статью в рукописи и указавшему на необходимость разграничения в плане языкового союза терминов «античная балканистика» и «современная балканистика».

но отнюдь не первостепенную роль в выявлении догреческих слоев на территории Эллады. Близкая картина наблюдается в румынском, содержащем определенное количество слов дороманского происхождения; из них наиболее знаменательны те, которые имеют соответствия в албанском и могут претендовать на автохтонное, т. е. субстратное дакийское (геср. фракийское) происхождение, с немалой примесью, видимо, иллиризмов. По А. Россети, подобных слов около 80, по А. Филиппиде — около 140. И. И. Руссу насчитывает 71 слово, Г. Райхенкрон — свыше 1000 (последнее является несомненным преувеличением). Здесь нужно учитывать, что, подобно тому, как часть «пеласгских» слов по мере углубления исследований оказалась заимствованной из языков древней Анатолии, так и упомянутый компонент румынского тоже может включать определенное число заимствований из соседних языков; показательно несовпадение списков субстратных румынских слов у различных ученых.

Для реконструкции собственно фракийского должны были бы иметь значение субстратные апеллятивы болгарского, а *prigoi* содержащиеся в довольно многочисленной группе слов, лишенных достоверной этимологии в качестве исконно славянских или заимствованных из ареально близких болгарскому языков в различные периоды его истории. Однако этот компонент представляет в болгарском словаре «разношерстное» как семантически, так и грамматически собрание лексем⁴, что существенно затрудняет их совокупное этимологическое исследование и групповую реконструкцию. С. Б. Бернштейн во многом прав, считая не внушающими доверия фракийские этимологии некоторых из подобных слов и полагая, что при постулировании субстратно-фракийского происхождения прежде всего следует элиминировать возможность позднейшего заимствования⁵.

Так, например, обстоит дело с фракийской этимологией болг. *карна* «скала», при алб. *karre* (то же) и *Καρπάτης ὄρος* «Карпаты»⁶. Действительно, в названии горного края *Καρπάτης ὄρος* (ср. остров между Критом и Родосом — *Κάρπαθος*, *Κράπαθος*, имя героя из понтийской Месембрии — *Καρπᾶς*), вполне возможно, отразился фракийский апеллятив, сохранный алб. *karre*, но это отнюдь не означает, что болг. *карна* заимствовано непосредственно из фракийского; судя по отсутствию метатезы плавного, не отмеченной для предположительно фракийских апеллятивных проникновений в болгарском (*балта* = *блата*, видимо, из румынского)⁷, это позднее заимствование из албанского. Подобное рассуждение уместно и в случае с болг. *рофея*, *руфя* «молния», в котором, по мнению В. Томашека, а вслед за ним Д. Дечева и Вл. Георгиева⁸, вскрывается глоссированное

⁴ Ср. в этом отношении обратную картину, являемую догреческим индоевропейским слоем, где четко выделяются субстратные словообразовательные модели и семантические классы (см.: Л. А. Гиндин, Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова, М., 1967, стр. 70 и сл.).

⁵ С. Б. Бернштейн, указ. соч., стр. 23 и сл.

⁶ См.: Вл. Георгиев, Въпроси на българската етимология, София, 1958, стр. 36 и сл.

⁷ Ср.: Вл. Георгиев, Въпроси на българската етимология; напротив, отмечены безметатезные болгарские географические названия, например, гидронимы, по-видимому, воспринятые от фракийского населения, *Арда* и *Ерма*, см. об этом специально: J. Zaimov, Quelques particularités des noms thraces en Bulgarie, BE, VI, 1963, стр. 85.

⁸ W. Tomaschek, Die alten Thraker, II, «Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften», phil.-hist. cl., CXXX, Wien, 1894, стр. 18; D. Detschew, Die thrakischen Sprachreste, Wien, 1957, стр. 403 и сл.; Вл. Георгиев, Въпроси на българската етимология, стр. 37. Разница в индоевропейских этимологиях между первыми двумя и Вл. Георгиевым несущественна для констатации фактического источника заимствования болг. *рофея*, *руфя*. В частности, В. Томашек возводит фрак. **roucaia* и пр. к и.-е. **rabh-* в др.-инд. *rābhate* «erfaßt, hält sich fest», *rambhā* «Stab, Stütze», *rambhin* «Lanze», Вл. Георгиев, принимая во внимание передвижение соглас-

фраг. *ρομφαία, romphaia* «дротик», *romphaea romfea* «меч», при алб. *rrufë* «гром, молния», ново-греч. *ρομφαία* «большой, широкий меч». Но если говорить о конкретной истории болгарского слова, то оно скорее всего также проникло из албанского, о чем недвусмысленно свидетельствует тождество семантики с албанской лексемой и пограничный с албанским ареал распространения болгарского слова⁹, хотя само алб. *rrufë* может прямо восходить к фракийскому прототипу¹⁰. Примером мнимого фракизма в болгарском может служить этимология болг. *ватра* «огонь», предложенная Вл. Георгиевым в «Болгарском этимологическом словаре»¹¹ и недавно поддержанная Э. Хэмпом в качестве антитезы гипотезе Н. Йокля об иранском происхождении данного слова¹².

Географический ареал, характеризующийся распространением данной лексемы (без существенных отклонений в значении) и родственными ей во всех трех славянских диалектных зонах: ю.-слав.—болг., серб.-хорв.; зап.-слав.—чеш., словацк., польск.; вост.-слав.—укр. (*ватра* «пастушеский костер»), весьма вероятно, русск. *ватрушка*, ср. русск.-церк.-слав. *обатрити* сж «воспалиться (о нарывах)», *обащреник*: φλεγμαίνω — содержит достаточно реальных оснований для реконструкции праслав. **vatra* с регулярным протетическим *v* из **ātra*, исконно родственного иран. (авест.) *ātar-* «огонь», др.-инд. *ātharvā-* «Feuerpriester» (старое иранское заимствование), ирл. *áith* «печь», лат. *āter* «черный, темный», арм. **air* (все к и.-е. **āter*). Эта основа в некоторых славянских языках сохранила свидетельства былой продуктивности, кроме приведенных церковнославянских, ср. серб.-хорв. *ватриште* «кострище», словацк. *vatrisko* «цыганский табор». Тем не менее в настоящее время слав. **vatra* представляется лексемой, по ряду причин, подобно некоторым другим пастушеским терминам, сужившей свое праславянское значение в сторону семантической спецификации в диалектах, причастных карпато-балканской зоне¹³. Правда, исконно славянская этимология не снимает трудности с объяснения албанского и румынского слова. К тому же необходимо считаться с возможностью распространения этого слова валахами, воспринявшими его у славян или ираноязычных племен.

Впрочем приведенные примеры не должны умалять рациональности поисков каких-то единых критериев в подходе к потенциально субстратным апелляциям современных балканских языков, что может оказаться столь же перспективным, как работы в области догреческого субстрата.

д) Наконец, пятый источник — глоссы античных авторов, включая такой значительный письменный памятник, как словарь Гесихия, где часть

ных, осуществленное фракийским (и.-е. **p* > фраг. *ph*), предпочитает относить фракийское слово к и.-е. **ru(m)p-*, реализованному в лат. *rumpe* «ломать, разрывать», др.-инд. *rumpāti* «разбивать» и т. д.

⁹ С. Б. Бернштейн, указ. соч.

¹⁰ Впрочем Вл. Георгиев (там же), наряду с фракийским, в качестве возможных источников заимствования полагает албанский и греческий, считая последние оба потенциально более вероятными.

¹¹ Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев, Български этимологичен речник, II, София, 1963, стр. 123 и сл.

¹² Е. Р. Намп, Deux fantômes de l'ethnogenèse balkanique, сб. «L'ethnogenèse des peuples balkaniques» (= «Studia balcanica», 5), Sofia, 1971, стр. 246.

¹³ Подробно о праславянской этимологии рассмотренного слова см.: «Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд)», под ред. О. Н. Трубачева (в печати). Ср. менее аргументированно: М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, I. М., 1964, стр. 279, s. v. *ватрушка*. Семантическое поле лексемы **vatra* в современных языках и ее географическая дистрибуция (карпатский ареал с сопредельными районами, главным образом на Балканах) хорошо показаны в специальной работе Г. П. Клепиковой «Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства» (сб. «Проблемы балканского языкознания», М. — в печати).

балканских слов среди других лексем негреческого происхождения и диалектных греческих ждет своего выявления и этнической селекции. Необходимо специально упомянуть небольшие коллекции названий дакийских растений у Диоскорида и Псевдо-Апулея. При общей малочисленности и хронологической неоднородности, глоссы античных и византийских лексикографов, историков и схолиастов составляют важнейшую группу фактов в силу их специфической семантической определенности и языковой приуроченности.

В связи с особенностями материальной базы позволительно сделать два предостерегающих замечания.

Не следует, во-первых, страшиться многочисленности источниковедческих единиц, их жанрового и хронологического разнообразия при весьма небольшой плотности в смысле наполненности знаменательными для данной дисциплины фактами, так как основная филологическая работа по выявлению балканских языковых реликтов в значительной части проделана несколькими поколениями ученых; относительно далеко продвинута и лингвистическая интерпретация¹⁴. Меньше сделано в столь же важной области ретроспективного изучения древней топонимии Балкан; возможно, это связано с малочисленностью сводных работ (словарей), достаточно полно отражающих современное состояние топонимии балканских и смежных территорий. Однако и здесь накоплен немалый материал, облегчающий и стимулирующий дальнейшие исследования ретроспективного плана; имеются в виду труды С. Младенова, Д. Дечева, Вл. Георгиева, И. Дуриданова, Й. Заимова (территория Болгарии); П. Скока, Г. Крае, Ф. Безлая (территория Сербии, Хорватии, Словении, Македонии)¹⁵. Второе же

¹⁴ Кратко аннотированную библиографию работ по древним негреческим языкам Балканского п-ова (до 1965—1966 гг.) см. в упомянутой монографии автора, стр. 9—12, 40—42 и др.; там же некоторые дополнительные сведения, характеризующие состояние материальной базы исследований. Среди работ, вышедших позже, необходимо отметить два обзора литературы: Z. Velkova, Die thrakische Sprache (Bibliographischer Anzeiger 1852—1965), БЕ, XII, 1967; A. Stipčević, Bibliographia illyrica, Sarajevo, 1967; кроме того, опубликован ряд важных монографических исследований: G. Reichenkron, Das Dakische (rekonstruiert aus dem Rumänischen), Heidelberg, 1966; I. Duridanov, Thrakisch-dakische Studien I. Die thrakisch-und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen, Sofia, 1969; I. I. Russu, Elemente autohtone în limba română. Substratul comun română-albanez, București, 1970; О. Ная, Die phrygischen Sprachdenkmäler, БЕ, X, 1966 (весьма спорно). Ср.: И. М. Дьяков, Место фригийского среди индоевропейских языков, «Первый симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика. Предварительные материалы», М., 1972, стр. 3 и сл. (ротапринт). Также: M. Lejeune, Discussions sur l'alphabet phrygien, «Studi micenei ed egeo-anatolici», X, 1969, стр. 19 и сл., его же, Notes paléo-phrygiennes, «Revue des études anciennes», 71, 3—4, 1969, стр. 287 и сл.; его же, Les inscriptions de Gordion et l'alphabet phrygien, «Kadmos», IX, 1, 1970, стр. 51 и сл.; прочую литературу по фригийскому, включая рецензии на указанную книгу О. Хааса, см. в аннотированной библиографии В. П. Нерознака («Первый симпозиум по балканскому языкознанию...», стр. 55—56). Несомненный интерес представляют материалы указанного выше Международного симпозиума по этногенезу балканских народов (Пловдив, 1969); см. о нем нашу информацию — ВЯ, 1970, 2. На тему фрако-балтийских отношений см. также: С. Рогхирс, Les rapports entre le thraco-dace et le balto-slave, «Actes du X Congrès international de linguistes», Bucarest, стр. 765 и сл.; В. Н. Топоров, К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры, «Первый симпозиум по балканскому языкознанию...», стр. 24 и сл.; его же, К фракийско-балтийским языковым параллелям, сб. «Проблемы балканского языкознания» (в печати). В последнее время повысился интерес к древнемакедонскому, см.: С. Рогхирс, Considérations sur le lexique de l'ancien macédonien, «Revue de linguistique», 1960, 1, стр. 135 и сл. (македонский близок родствен греческому); I. Pudić, Die Sprache der alten Makedonen, сб. «L'ethnogenèse des peuples balkaniques», стр. 207 и сл.

¹⁵ Довольно полную библиографию работ упомянутых и некоторых других авторов можно найти в обзорах топонимической литературы Н. И. Толстого (для Югославии) и А. К. Кошелева (для Болгарии), см. сб. «Иностранная литература по топонимии».

наше замечание заключается в предостережении от излишнего оптимизма в представлении о возможностях реконструкции субстратных языков Балкан. Действительно, специфические особенности исходных ономастических данных в лучшем случае допускают восстановление фонетики, набора апеллятивных основ и словообразовательных элементов языка, причем лишь в том объеме, в котором они принимали участие в создании ономастики данного языкового субстрата¹⁶. Необходимо помнить также, что все это базируется подчас на весьма зыбких (корневых) ономастических этимологиях. В связи с указанным обстоятельством названия трудов: «Язык иллирийцев» (Г. Крае, А. Майер), «Язык фракийцев» (Вл. Георгиев, В. Нерознак), название нашей монографии «Язык древнейшего населения...» — следует рассматривать как различной степени метафорические преувеличения. И совсем уже поэтической фигурой оказывается апелляция к фракийскому (resp. дако-мизийскому) субстрату, например, в поисках источника процесса утраты инфинитива в современных балканских языках¹⁷: относительно грамматики и тем более синтаксиса фракийского, как и других реликтовых языков Балкан, нам практически ничего неизвестно¹⁸. При подобном положении вещей экономнее и реалистичнее, выясняя импульсы к утрате инфинитива, обратиться к истории самих балканских языков, в которых межъязыковая интерференция, лексическая и соответственно грамматическая, обусловленная культурно-историческими особенностями существования этих языков, является наиболее характерным атрибутом. Во всяком случае в греческом процесс утраты инфинитива и замены его финитными конструкциями прослеживается очень рано. П. Бюржьер в своем обстоятельнейшем исследовании усмат-

мике», М., 1965; помимо того, см. обзор В. А. Никонова «Послевоенные работы по топонимике в славянских странах» («Краткие сообщения Ин-та славяноведения», 28, 1960, стр. 75 и сл.). Из работ, не вошедших в данные обзоры, следует указать обстоятельное исследование И. Заимова «Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. Прочуване на жителските имена в българската топонимия» (София, 1967); е го ж е, *Anciens noms bulgares dans la partie sud de la péninsule balkanique*, «Actes du I Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes», VI—Linguistique, стр. 389 и сл.; е го ж е, *Quelques particularités des noms thraces en Bulgarie*, стр. 82 и сл.; см. еще: Вл. Георгиев, Значението на съвременната топонимия за обяснението на древните географски названия, «Известия на института за български език», кн. XIV, 1967, стр. 5 и сл.; определенный интерес представляет написанная на материале полевых наблюдений небольшая статья: B. Simenonov, *Noms des lieux thraces récemment découverts*, там же, стр. 87 и сл. Для территории Румынии см.: N. Drăganu, *Români în veacurile IX—XIV pe baza toponimiei și a onomasticeii*, București, 1933; I. Iordan, *Nume de locuri românești*, București, 1952; е го ж е, *Toponimia românească*, București, 1963 (с литературой). По-прежнему не потеряли значения работы М. Фасмера и А. М. Селищева по славянизации окраинных территорий Балканского п-ова (см.: M. Vasmer, *Die Slaven in Griechenland*, Berlin, 1941; А. М. Селищев, Славянское население в Албании, София, 1931). Почти исчерпывающие списки литературы по дославянской эпохе Балканского п-ова см. в кн.: I. Porović, *Geschichte der serbokroatischen Sprache*, Wiesbaden, 1960.

¹⁶ Нужно считаться, кроме того, с различной степенью расхождения между набором лексем каждого языка и ономастикой, которая обслуживает его носителей (см. об этом: В. Н. Топоров, Из области теоретической топонимистики, ВЯ, 1962, 6, стр. 3); например, фракийская ономастика составлена по крайней мере из восьми компонентов: собственно фракийского, греческого, фригийского, древнемакедонского (языки Балкан), кельтского, иранского, хетто-лувийского и доиндоевропейского.

¹⁷ М. А. Габинский, Появление и утрата первичного албанского инфинитива (к проблеме инфинитива в балканских языках), Л., 1970, стр. 271 и сл.

¹⁸ Ср.: К. Влахов, Морфологично-синтактични данни за езика на траките — прдславянский субстрат в нашите земи, «Език и литература», XXII, кн. 5, стр. 47 и сл.: фрак. *midne* — аблатив-локатив на *-e < и.-е. žik'-no-* (в лат. *vicus* и пр.); сомнение в правильности данной интерпретации: I. Duridanov, *Die Stellung des thrakischen im Kreise der indoeuropäischen Sprachen*, «Thracia. Primus congressus studiorum thraciorum», I, Serdicae, 1972, стр. 240, прим. 6.

ривает начало процесса в гомеровских поэмах ¹⁹. С другой стороны, новогреческий оборот $\nu\alpha +$ конъюнктив имеет полностью адекватный прототип $\dot{\nu}\alpha +$ конъюнктив в текстах Нового завета ²⁰. Разумеется, распространение этой инновации по всему балканскому ареалу с ослаблением процесса замены инфинитива к периферии, если считать эпицентром греческий, должно было получить поддержку со стороны особой лингвистической ситуации, сложившейся на Балканах еще в античный период.

II. З а м е ч а н и я к м е т о д и к е и с с л е д о в а н и я. Если одна из рассмотренных выше особенностей материальной базы заставляет нас классифицировать античную балканистику прежде всего как самостоятельную отрасль классической филологии, то другая столь же характерная черта источников, выразившаяся в том, что они пока представляют собой в подавляющем числе лишь географические названия, антропонимы и имена богов, с необходимостью включает исследования в области античной балканистики в круг специфических проблем ономастики со всеми вытекающими отсюда последствиями ²¹.

Трудности изучения ономастики, вызываемые отсутствием лексического значения в обычном понимании у имени собственного, усугубляются тем, что апеллятивная лексика, на базе которой возникла автохтонная балканская ономастика, практически не сохранилась. Это существенно осложняет языковую и этническую атрибуцию материала, лишая исследователя естественной точки отсчета, каковой служит, например, при изучении догреческого ономастического слоя на территории Эллады греческая ономастика, прозрачно соотносимая с исконно греческой апеллятивной лексикой. Именно поэтому в решении как чисто лингвистических задач (реконструкция отдельных фрагментов апеллятивного корнеслова, морфемно-аффиксального состава, места отдельных балканских языков в кругу индоевропейских и пр.), так и экстралингвистических (этапы заселения Балканского п-ова, включая распространение славянских племен, и, следовательно, этногенез южных и частично западных славян, румын, албанцев, греков; этно-лингвистическая ситуация и этнические связи), т. е. при решении проблем, требующих диахронической стратификации, необходима особо тонкая и осторожная процедура исследования; ее краеугольным камнем и базой, вне всякого сомнения, является э т и м о л о г и ч е с к и й а н а л и з.

Утверждая в этом пункте вполне очевидную истину, мы тем не менее коснулись в нем, кажется, самого болезненного вопроса для многих занимающихся топонимикой и ономастикой вообще, практикующих в своих работах в лучшем случае сопоставления на уровне топонимических лексем или ограничивающихся формантным анализом, хотя увеличившийся особенно в последние годы поток ономастических работ приводит к неоспоримому, на наш взгляд, выводу, что только этимологический анализ, включающий целый ряд чисто лингвистических операций и предполагающий, по возможности, их полное выполнение, способен оградить от произвольного морфемного членения и коллекционирования фантомов созвучия. Забвение этого положения, как правило, ведет к дилетантизму. Так, печальный опыт работ, устанавливающих единый доиндоевропейский субстрат по всему Средиземноморью на основании омонимии формантов и корневых элементов, встречающихся в этом обширном ареале, не послужил предо-

¹⁹ P. B u r g i è r e, Histoire de l'infinitif en grec, Paris, 1960.

²⁰ K. S a n d f e l d, Linguistique balkanique, Paris, 1930, стр. 177 и сл.

²¹ Подобное утверждение никоим образом не уменьшает важности исследований апеллятивной субстратной лексики и интерпретации пока весьма скудного эпиграфического материала на реликтовых балканских языках, в частности, фригийских и мессапских надписей.

стережением от абсолютизации формантного анализа при постулировании тезиса о едином индоевропейском субстрате в Эгеиде²². Однако в настоящее время хорошо известно, что суффиксальные элементы *-ss-*, *-nt-*, *-m-*, *-n-*, *-r-* и пр. широко представлены по всему бассейну Средиземного моря как в индоевропейских языках, так и неиндоевропейских. Впрочем еще П. Кречмер и позже Вл. Георгиев убедительно показали, что суффиксальные комплексы, содержащие консонантную группу *-ss/-tt-*, свойственны множеству топонимов, разнородных в языковом отношении, но относительно равномерно распространенных в Эгеиде и сопредельных областях. Этот тождественный в синхронном плане класс топонимов составляют следующие гетерогенные слои: 1) догреческий доиндоевропейский (тип $\lambda\acute{\alpha}\rho\iota\sigma(\sigma)\alpha$); 2) догреческий индоевропейский, «пеласгский» (тип $\Pi\acute{\alpha}\nu\sigma\sigma\alpha$); 3) догреческий анатолийского происхождения в Элладе и туземный индоевропейский (тип $\Pi\acute{\eta}\delta\alpha\sigma\sigma\alpha$) и неиндоевропейский (тип $\Pi\alpha\rho\nu\alpha\sigma(\sigma)\acute{o}\varsigma$) в Анатолии; 4) чисто греческий, содержащий топонимы с суффиксальным элементом *-σσ/-ττ-*, появившимся в результате фонетических модификаций в исходе согласных основ перед суффиксом *-ῖο/-ῖα-*, например, название демов в Аттике $\text{Κηττοί} < *k\bar{a}w\bar{a}k-\dot{\eta}o-$ при греч. (ион.) $\kappa\acute{\alpha}\upsilon\acute{\xi}$, $\kappa\upsilon\acute{\eta}\kappa\omicron\varsigma$ «вид морской птицы»; $\text{Σφηττοί} < *sphak-\dot{\eta}o-$ при $\sigma\phi\acute{\eta}\xi$, $\sigma\phi\eta\kappa\acute{o}\varsigma$ «оса» (ср. название комедии Аристофана). Затем можно указать на продуктивный в греческой топонимии суффикс *-έσσσα, -οῦσσα < *-ó-Fent-ia*, образовавший географические названия типа Ἰχθυέσσσα , более раннее название о. Икарос = апеллятиву $\text{ἰχθυέσσσα} < *i\chi\theta\upsilon o-Fentia$ «изобилующий рыбой»; более раннее название о. Кимолос $< *ē\chi\iota\nu o-Fentia$, «изобилующий ежами», ср. местное название муж. р. Ἐχίνοῦς , $\text{Ἐχιδόντος} < *ē\chi\iota\nu o-Fent\varsigma$; Οἰνοῦσσα , группа из трех островов в Мессенском заливе $< *oi\nu o-Fentia$ «богатые вином». Исконно греческое происхождение двух первых апеллятивных основ бесспорно²³. Итак, перед нами по меньшей мере четыре гетерогенные группы топонимов, слившихся в единый синхронный тип. Можно ли при такой сложной с лингвистической точки зрения ситуации игнорировать этимологический анализ корневых основ и ограничиться сугубо формальными сопоставлениями на ономастическом уровне? Не имея возможности более входить в методологические подробности топонимической субстратной этимологии, позволим себе сделать отсылку к нашей упомянутой выше специальной работе «К методике выявления...». Заметим лишь, что топонимическая ситуация, подобная рассмотренной на Балканах, встречается повсеместно; недавно это с большой очевидностью для гидронимии Правобережной Украины показал О. Н. Трубачев в своей во многих отношениях замечательной книге²⁴.

III. Предмет исследования. Лингво-этническое пространство Балканского п-ова догреческого и прагреческого периода, подлежа-

²² О границах и специфике применения этимологической методики в топонимии вообще и догреческой, в частности, см.: Л. А. Ги н д и н, Язык древнейшего населения..., стр. 53 и сл., 80 и сл. и др.; е г о ж е, Le «pélasgique» et le thrace, сб. «L'ethnogenèse des peuples balkaniques», стр. 237 и сл. (там же, стр. 306 и сл., 309 и сл., см. нашу полемику с Вл. Георгиевым по поводу лингво-этнической принадлежности критских топонимов Λαβύρινθος и Τόλισσος); е г о ж е, К методике выявления и стратификации лингво-этнических слоев на юге Балканского полуострова, «Этимология. 1967», М., 1970, стр. 215 и сл.

²³ Hj. Frisk, Griechisches etymologisches Wörterbuch, I, Heidelberg, 1961, стр. 745 и сл. и 601 соответственно.

²⁴ О. Н. Трубачев, Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация, М., 1968 (ср., например, диахронический срез рифмованного гидронимического сегмента *-ava*, стр. 49 и сл. и др.); см. еще: е г о ж е, Из опыта исследования гидронимов Украины, «Baltistica», IV (1), 1968.

щее исследованию в рамках античной балканистики, может быть схематически расчленено на четыре региона.

1. Восток — фракийский язык; на этом языке говорили многочисленные племена (наиболее могущественными среди них были этнические образования бессов и одрюсов), позднее объединенные греками под одним этнонимом — фраки и занимавшие области между Черным морем, Пропонтидой и Эгейским морем с островами Тасос, Самофракия и др. (район к югу от Дуная), на западе ограниченные реками Timachus — Στρυμῶν (современная Болгария); приблизительно ареал топонимов с *-para* «река», ср. болг. *бара* «речушка» и пр., и *-bria* «город», ср. тох. *B riye*, *A ri* — то же. К северу от Дуная (современная Румыния и Венгрия к востоку от Тиссы) располагались даки, северо-восток современной Югославии и Добруджу занимали мизийцы, говорившие на дако-мизийском языке, являвшемся, по-видимому, северным диалектом собственно фракийского; приблизительно ареал топонимов с *-dava* «город» (и.-е. **dhēuā* «место»).

2. Запад — иллирийский язык, обслуживавший племенное объединение иллирийцев, населявших до нашествия кельтов Иллирикум (современная Албания), Далмацию и, вероятно, Южную Паннонию (современная Югославия к западу и самая южная часть Венгрии). Согласно Р. Катиичу²⁵, в этом районе обитали родственные им племена далматинцев и паннонцев, а также близкие по языку венетам либурнцы и истрийцы, занимавшие маленькую территорию в самой западной части п-ова.

3. Центральнo-южный район — язык древних македонцев, первоначально заселявших область по реке Ἀλιάκμων (современная южная Македония); фригийский язык, до переселения его носителей в Малую Азию распространенный, видимо, в бассейне реки Ἐριϋών, к западу от реки Ἀξιός (западная часть современной Македонии); прямые свидетельства Геродота и Евдокса и некоторые лингвистические соображения вынуждают постулировать прародину армян по соседству с фригийцами²⁶; вполне возможно, что вблизи данного ареала следует искать также район распространения отдельных протогреческих племен (Эпир с западными областями Фессалии), послуживший промежуточным плацдармом во время их экспансии на юг Балканского п-ова²⁷.

4. Юг (все прочие территории Эллады с Критом и другими Эгейскими островами) — «пеласгский» язык, оказавшийся, по нашему мнению, в генетическом отношении тождественным фракийскому²⁸, какие-то раннехетто-лувийские диалекты, на которых говорили племена, в части своей определенно пришедшие из Анатолии; наконец, приблизительно на рубеже III и II тысячелетий здесь распространились эллины, принесшие сюда ахейский диалект греческого языка²⁹.

Такова в высшей степени сложная лингвистическая (resp. этническая) картина подлежащего компетенции античной балканистики района по

²⁵ R. K a t i č i ć, Liburner, Pannonier und Illyrier, «Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde», Innsbruck, 1968, стр. 363 и сл.

²⁶ См.: Л. А. Г и н д и н, К проблеме генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя, ВЯ, 1971, 1, стр. 46 и сл. (с литературой), ср. упомянутую выше работу И. М. Дьяконова.

²⁷ См.: Л. А. Г и н д и н, К вопросу о протогреческом ареале на Балканском полуострове, «IV Конференция по классической филологии (тезисы)», Тбилиси, 1969, стр. 15 и сл.

²⁸ Л. А. Г и н д и н, Le «pélasgique» et le thrace; е г о ж е, К проблеме генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя.

²⁹ Специально выявлению анатолийского вклада в догреческой топонимии посвящена упоминавшаяся монография автора «Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова»; из новой литературы по проблемам лингво-этнической географии см.: V. I. G e o r g i v, L'ethnogenèse de la péninsule balkanique d'après les données linguistiques, «L'ethnogenèse des peuples balkaniques», стр. 161 и сл.

сведениям древних авторов и по предварительным данным ономастики; пространственное членение этого лингвистического пласта хронологической протяженностью минимум в тысячу лет, разумеется, следует воспринимать как нечто весьма приближенное, особенно в определении границ распространения языков, поскольку координация противоречивых античных и византийских этнологических свидетельств на уровне письменных источников и по отношению к фактам топонимии пока может быть только сформулирована в виде одной из первоочередных задач, как соответственно и проблема выявления анахронизмов и поздних интерполяций в сведениях древних авторов ³⁰.

Такая ситуация осложнялась различными языковыми и племенными смешениями, весьма усилившимися в эпоху великих передвижений (последняя четверть II тысячелетия) и несколькими веками позже; это существенно искажило черты постулированной выше протокарты. Так, на основе исторических, археологических и лингвистических данных установлено, что в первой волне балканской миграции на юго-восток в Малую Азию переселилась основная масса мизийских племен, в XII в. по их следам ушли фригийцы и на рубеже VIII—VII вв. часть фракийских племен, среди которых главную роль играли битинцы ³¹ — все вместе они заняли в поздне- и послехеттской Анатолии обширнейшие территории (север и центр), оттеснив хеттоязычные народы к югу и востоку вдоль побережья. Не подложит сомнению балканский этнический компонент в «троянском племенном союзе». Гомер в Долонии («Илиада», X, 428—434), наряду с поздnehеттскими племенами карийцев, лелегов, ликийцев и меонийцев, упоминает пеонов, кауконов, фригийцев и фракийцев царя Реса. В соответствии с этим в районе Казанлыка в 1956 г. была обнаружена в бронзовой культуре, принадлежащей фракийцем, прототипиская форма так называемой «выпуклой керамики», характерной для слоя Троя VII b 2, имеющая предысторию и дальнейшие эволюционные черты на территории древней Фракии и Македонии ³². В таком культурно-историческом контексте можно с определенным сочувствием указать на известную этимологию Вл. Георгиева, основанную на отождествлении $\text{Trōēs} < * \text{Trōses}$ с названием фракийского племени Τρῳοί (при монофтонгизации дифтонга $ai > o$ и возведении гомеровской формы θρῶες к тому же $* \text{Τρῳο-}(-ιες)$ через ступень $* \text{ΤρῶϜιες}$ видимо, в качестве этника ³³); между прочим последняя идентификация была намечена П. Кречмером еще в 1935 г. ³⁴; цитируя ее, Д. Дечев в своем словаре возвел фрак. Τρῳοί к и.-е. $* \text{trēu-}$ «расти, процветать» ³⁵.

³⁰ Помимо того, здесь не упомянуты некоторые древнебалканские этносы и языки, достоверно засвидетельствованные в античных памятниках (в частности, у Гомера), но оставившие после себя слишком скудные языковые реликты, например, дарданы, пеоны, мигдоны, кикконы, кауконы, кидоны (Крит) и многие другие; о языке пеонов и мигдонов см. специально: I. D u r i d a n o v, Die Stellung des Päonischen, «Actes du X Congrès international des linguistes», Bucarest, 1970, стр. 760 и сл. (там же старая литература); е го же, Die Vorgeschichte Mygdoniens im Lichte der Sprache, «L'ethnogenèse des peuples balkaniques», стр. 199 и сл.

³¹ Xp. M. D a n o v, Zu der Ethnogenese und den Lageverschiebungen der Volksstämme Altthrakiens in der zweiten Hälfte des II und der ersten Hälfte des I. Jahrtausends v. u. Z., «L'ethnogenèse des peuples balkaniques», стр. 271 и сл. Предполагается, кроме того, что в XII—X вв. в Малую Азию мигрировало фракийское племя мигдонов, см.: I. D u r i d a n o v, указ. соч., стр. 205.

³² D. P. D i m i t r o v, Troia VII b 2 und die thrakischen und mösischen Stämme auf dem Balkan, «L'ethnogenèse des peuples balkaniques», стр. 63 и сл.

³³ В. И. Г е о р г и е в, Исследования по сравнительно-историческому языковедению, М., 1958, стр. 136 и сл.

³⁴ P. K r e t s c h m e r, Zum Balkanskythischen, «Glotta», XXIV, 1936, стр. 41.

³⁵ D. D e t s c h e w, Die thrakischen Sprachreste, стр. 521; ср.: К. В л а х о в, Името на древните жители на нашата земя — траките, «Език и литература», XXIII,

В связи с указанным обстоятельством в сфере античной балканистики оказывается лингвистическое пространство Малой Азии с ее многочисленными языками, принесенными с Балканского п-ова, сохранившимися в виде ономастики (поздние надписи имеются лишь на фригийском); отсюда естественным и необходимым условием прогресса в изучении балканских языков Малой Азии и континентальной метрополии становится в современных условиях всемерное развитие исследований в области хетто-лувийских языков не только позднего, но и раннего периода, частично ассимилированных и существенно потесненных именно выходцами с Балканского п-ова. В дополнение к этому не менее важным фактом является то, что письменно фиксированная и хорошо датированная апеллятивная и ономастическая лексика на хетто-лувийских языках дает реальную основу для селекции ономастических реликтов Малой Азии и соответственно Балканского п-ова.

Однако возвратимся к более интересующему нас сейчас Балканскому п-ову. В уже предславянский период проходил процесс постепенной, действовавшей на протяжении всей эллинистической и византийской эпохи (последние века до нашей эры и первые нашей) экспансии самых авторитетных языков древней Европы, носившей скорее языковой, чем этнический характер, в результате чего центрально-европейские области Балкан подверглись приблизительно на две трети процессу латинизации и на одну треть грецизации. Этот процесс в известной мере растворил туземные языки данного ареала и «смазал» в трудно уловимой теперь степени более или менее однородный топонимический ландшафт, подвергнув неизбежной в таких случаях адаптации сохранившиеся лексемы. Однако значительное поглощение туземной речи романской и греческой речью коснулось, видимо, лишь обычной лексики, почему, учитывая даже самые оптимистические подсчеты для румынского и албанского, наблюдаются единичные вкрапления апеллятивной и субстратной (resp. автохтонной) лексики в словаре современных балканских языков. По этой причине славяне, заселившие с начала VI в. н. э. обширные территории Балканского п-ова, столкнулись в зависимости от лингво-этнического субстрата (иллирийцы, дакийцы, собственно фракийцы и пр.) с различным, с точки зрения отражения автохтонных языковых элементов, фонетическим, частично грамматическим, и в меньшей степени лексическим узусом покоренного населения, что, по нашему мнению, усилило диалектные различия внутри южнославянских языков и наложило на них печать еще большего своеобразия (ср. влияние дакийского на вульгарную латынь римских легионеров); к сожалению, теперь уже нет возможности с достаточной удовлетворительностью определить величину сохранности туземных балканских языков, в частности фракийского, к моменту соприкосновения с основной массой славянских переселенцев. На базе субстратной и субсубстратной ономастики, а также греческих и латинских надписей с территории континентальной части Балканского п-ова трудно сделать какой-либо определенный вывод на этот счет ³⁶, так как пока достоверных апеллятивов в нашем рас-

2, 1968, стр. 31 и сл.: $\theta\rho\acute{\alpha}\nu\kappa\varsigma, \theta\rho\acute{\alpha}\nu\iota\kappa\varsigma < *D\acute{\rho}\alpha\sigma\iota\kappa\iota\kappa\varsigma \approx$ фракийское племенное название $\Delta\rho\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota, \Delta\rho\epsilon\sigma\alpha\iota\iota, \Delta\rho\rho\alpha\iota\omicron\iota$ к и.-е. $*dhrs-$ (нулевая ступень от и.-е. $*dher\varsigma$ «быть дерзким, смелым»), в греч. $\theta\alpha\rho\sigma\omicron\varsigma, \theta\rho\acute{\alpha}\sigma\omicron\varsigma$ «смелость, дерзость», лезб. $\theta\acute{\epsilon}\rho\sigma\omicron\varsigma$ то же.

³⁶ Рассуждения о значительной живости, в частности, фракийских автохтонных этнических и языковых элементов ко времени и в период славянизации Балкан см.: В. Б е ш е в л и е в, Проучвания върху личните имена у траките, София, 1965, стр. 62 и сл.; V. B e š e v l i e v, Über manche ältere Theorien von der Romanisierung der Thraker, «Études balkaniques», I, Sofia, 1964, стр. 147 и сл.; Б. Г е р о в, Въпросът за романизацията на тракийското население в българските земи, сб. «Этногенезис и културно наследство на българския народ», София, 1971, стр. 33 и сл.; Г. М и х а й л о в,

поряжении минимальное количество. Что же касается отдельных случаев восприятия славянами непосредственно туземных (фракийских) форм (например, *Пловдив*, древнее *Pl̥tr̥d̥iv̥* из фрак. *Pulpr̥d̥eva*, греч. Φιλίππο-πολις, ср. лат. *Trimontium*; *Боруй* из негречизированного Βερόη, ср. лат. *Augusta Trajana*; *Ибър* от негречизированного Ἰβρος, *Мокро* — калька Ἀπαδαβα), то они могли быть в ходу и у испытавшего сильную языковую ассимиляцию населения из-за обычной консервативности местных названий, успешно конкурирующих с официальными книжными. С приходом славян на Балканах начинается этнически и в некоторых отношениях лингвистически стабильный период, сохранившийся в общих чертах до нашего времени, с той лишь разницей, что славяне заходили далеко на юг, на территорию континентальной Греции и на запад в область Иллирикума (современная Албания). Помимо того, в преславянский период сюда вторгались кельты, оставившие значительные следы в топонимии и антропонимии³⁷, а также — готы, еще раньше — иранцы (скифы), в славянскую эпоху — турки.

Уже то обстоятельство, что к балканскому региону причастно в той или иной степени множество индоевропейских языков и народов, засвидетельствованных фактами в непрерывной письменной традиции, начиная от Гомера, делает этот район необычайно интересным для исследования с точки зрения культуры в широком смысле слова и прежде всего в аспекте лингвистическом и этногенетическом. Значение интенсивных разработок в этой области выходит за пределы чисто балканистических проблем, приобретая особую важность для индоевропеистики в целом.

В настоящее время появились весьма веские аргументы в поддержку предположения, что континентальные области Балканского п-ова входили неотъемлемой частью в индоевропейское пространство периода распада его диалектного единства; народы же, населявшие эту территорию с древнейших времен (фракийцы, дакийцы, фригийцы, иллирийцы), оказываются там практически автохтонными. Этот вывод подтверждается гидронимическими данными, так как почти все крупные реки указанного района получили теперь убедительные индоевропейские этимологии, выявляя древнейший тип номинации: например, фрак. Στρομόν, совр. болг. *Струма* к и.-е. **sreu-*«течь» в др.-инд. *srávati*, греч. ῥέω, праслав. **strujiti* то же, др.-в.-нем. *strōm* «река, поток»; *Pannysis*, Πάνυσις, Πανάξ к и.-е. **pen-/pon-* «грязь, болото» в др.-инд. *pañka-* — то же, др.-пруск. *pannean* «болото», гот. *fani* «тина, грязь», ср. совр. *Панега*, приток Искра, *Pannonia*; Ἰστρος, *Histros* с эпентетическим *t* между *s* и *r* из **is(ə)ro-* в др.-инд. *iṣirá-* «сильный, деятельный» = греч. догр. *ἰσρός* (**isros*), лесб., ион. *ἰρός* (**isros*), атт. *ἰερός* (**iseros*) «мощный, неистовый», др.-кельт. *Isāra*; иллир. *Saxos*, *Savus*, совр. серб. *Sava* из **soḡo-* к и.-е. **seu-* «влага, сок» в др.-в.-нем. *sou* «сок», англ.-сакс. *séaw* (то же), греч. ὕει «идет дождь», алб. *shī* «дождь» (оба из **sū-*), др.-инд. *sávana-m*, *savá-* «Kelterung des Soma», галльск. *Sava*; *Dravos*, совр. серб. *Drava* из **droḡo-*, к и.-е. **dreu-*,

Грѣчко езиково и етно-културно влияние сред траките, там же, стр. 27 и сл.; вслед за Бешевлиевым с недостаточно убедительными примерами: К. В л а х о в, Трако-славянски успоредици, «Годишник на Софийския университет». Ист.-филол. фак-т, XIII, 1, 1969; см. также: С. Б. Б е р н ш т е й н, Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии, сб. «Славянское языкознание», VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации, М., 1973 (в печати).

³⁷ Из новой литературы см.: R. K a t i č i ć, *Keltska osobna imena u antičkoj Sloveniji*, «Arheološki vestnik», XVIII, Ljubljana, 1966, стр. 145 и сл.; V. B e š e v l i e v, *Keltische Ortsnamen in den Kastellverzeichnissen bei Prokop*, «Actes du I Congrès international des études balkaniques», стр. 415 и сл.; Т. Г е р а с и м о в, Келтските етнически наслоения в българските земи, «Етногенезис и културно наследство на българския народ», стр. 39 и сл.

в др.-инд. *drávati* «бежит, течет», гидроним *Dravantī*, галльск. название реки *Druentia*; *Μάρως*, совр. болг., серб. *Morava*, из **morgo-*, ср. гидронимы: галльск. **Morga* (во франц. *Morge*), нем. *Murg*, польск. *Mroga*, лат. *margō*, -inis «край, граница» (и.-е. **m₁rg̑-ōn-*), сюда же, согласно О. Н. Трубачеву, вост.-слав. название реки в бассейне Тетерева — *Мурава*³⁸. При этом многие из балканских гидронимов засвидетельствованы у Гомера, Гесиода, Геродота, Страбона, Плиния, т. е. имеют возраст порядка 35 веков, сохранив в подавляющем числе свою фонетико-морфологическую структуру в современных балканских языках³⁹. Постулируя автохтонность упомянутых племен в пределах Балканского п-ова, во всяком случае в его восточной части, следует учитывать эволюционную непрерывность археологических культур на протяжении неолита, энеолита и бронзового века, о чем убедительно свидетельствуют раскопки в Казанлыке, Караново и других местах и особо благоприятные здесь условия для оседлого земледелия и животноводства без кочевого пастушества (лёссовые почвы и пр.).

Второе важное обстоятельство, вызывающее интерес индоевропейцев к реликтовым языкам Балкан, заключается в том, что при распаде индоевропейской общности эти языки некогда могущественных народов оказались в центре индоевропейского языкового пространства, образовав, наряду с балтийскими языками, так называемую центрально-европейскую балтийско-балканскую переходную зону. В связи с этим для современной ареальной индоевропейской лингвистики реконструкция фракийского и иллирийского — одна из наиболее актуальных задач. Видимо, к этому ареальному фрагменту индоевропейской доистории относятся тесные лексико-ономастические связи балканских языков (иллирийского и фракодакийского) с балтийскими языками и, по предварительным данным, надо полагать, восточнобалканско-хетто-лувийские. Напротив, балканские связи с «древнеевропейской», в терминологии Г. Крае, ономастикой могут носить в целом праязыковой чисто генетический характер⁴⁰.

Таким образом, предметом исследования античной балканистики, является все многообразие лингвистических явлений (как внутренних, так и внешних), относящихся к перечисленным реликтовым языкам, распространенным в пределах балканского ареала и Малой Азии в догреческий и античный периоды.

IV. П р о б л е м а т и к а в с о б с т в е н н о м с м ы с л е. В свете изложенного может быть предложен следующий примерный перечень относительно первоочередных проблем.

1. Реконструкция топонимического ландшафта с картами различной глубины в зависимости от времени засвидетельствования, способов передач и этнической принадлежности топонимов. Например, у Геродота находим *Ἰστρὸς*, но у Плиния — *Histros*, у Ливия — *Hister*; позже греческие авторы передают это название с тонким придыханием, романские — с густым; поскольку у греков придыхание было более напряженным, следует здесь восстановить придыхательный призвук в начале слова в соответствии с латинскими передачами (см. выше сравнение с греч. *ἰερός*); *Μάρως*, *Βάρως* — Страбон: *Μάρυς* — Плиний. Какую из данных форм считать более древней при наличии чередования *m : b* во фракий-

³⁸ О. Н. Трубачев, Названия рек Правобережной Украины, стр. 51 и сл.

³⁹ Ср.: V. I. G e o r g i e v, L'ethnogenèse de la péninsule balkanique..., стр. 159 и сл.

⁴⁰ Относительно важности некоторых других аспектов балканистики, включая античную, см.: V. G e o r g i e v, Le problème de l'union linguistique balkanique, «Actes du I Congrès international des études balkaniques», стр. 7 и сл.; J. E l l i s, Some remarks on the place of Balkan linguistics in general linguistics theory, БЭ, XII, 1967, стр. 37 и сл.

ском? Если с *b*, то предпочтительнее сравнение с греч. βρέχω «орошать (главным образом, о дожде)» < и.-е. **meregh-* в латыш. *mergūt* «моросить»⁴¹ и пр., чем с лат. *margō*, *-inis* «граница», приведенном выше. Кроме того, у Геродота имеется еще одна форма античного названия Моравы — Βρόγγος; признание ее наиболее древней может усилить правдоподобие этимологии В. Томашка из и.-е. **ureng-*: *wrong-* «вертеть, крутить»⁴².

2. Диахроническая и лингво-этническая стратификация топонимии и ономастики в целом; тесно примыкает к предыдущей.

3. Ретроспективное исследование современной ономастики, в особенности топонимии.

4. Выявление лингво-этнической «чересполосицы» и языковой атрибуции тождественных и близких по внешнему облику ономастических лексем в различных по предполагаемой этнической и языковой принадлежности районах, например: иллир. личное имя *Bennus*, ср. мессап. *bennarrihi* и *benna*: фрак. этноним *Beni*, Βεννῆται, Βεννάσιοι; калабр. топоним Βρεντέσιον/Βρενέσιον, мессап. βρένδον ἑλαφον (Гес.): фрак. топоним *Brendice*; иллир. этноним *Germini*, личное имя *Germanus*, личное имя *Germullus*: фрак. топоним Γερμανία, Γερμαχή, Γερμενυς и пр.; фрак. (дак.) этноним Δᾱοι, Δᾱοί, ед. ч. Δᾱός, *Dāvos*, *Davus* и пр., мизийск. топоним Δχοόσδαυα; фриг. δᾱός ὅπο Φρουγῶν λόχος (Гес.); иллир. этноним, согласно Страбону и Аппиану, Δάρδανοι, макед. личное имя, по Фукидиду, *Dardas* Δέρδας: фрак. топоним Δαρδάπαρχα, местность в Троаде Δαρδανία; иллир. топоним Τέρπωνος: фрак. топоним Τέρπουλλος; иллир. личные имена Τευτα, Τευταμίδης и пр.: фрак. личное имя *Tautomedes* — все к и.-е. **teutā* «народ» и многие другие. Трактуя эту проблему, необходимо учитывать, с одной стороны, исконное родство древних балканских языков, с другой — лексико-ономастическую интерференцию, вызванную упомянутой миксоглогией и культурно-историческим взаимодействием.

5. Фронтальное обследование лексики современных балканских языков, в частности, диалектов албанского, румынского и болгарского, и языков сопредельных районов в поисках апеллативного материала для сравнения с древнебалканской ономастикой и глоссами.

6. Выявление балканских элементов в словаре Гесихия; тесно примыкает к предыдущей.

7. Реконструкция в целесообразных пределах фонетики, морфологических черт и апеллативного фонда каждого из наиболее сохранившихся реликтовых языков Балканского п-ова: фракийского с дакийским, иллирийского, фригийского и древнемакедонского; основная методика — сравнение с внешними данными (полно засвидетельствованных языков).

8. Черты древнебалканской индоевропейской переходной зоны; в последнее время здесь наметилось нечто определенное: затухание сатемной изоглоссы в балкано-балтийском ареале, тенденция к передвижению согласных, переход и.-е. *ǵ* в *ǣ*; с языками этой зоны указанные черты, возможно, разделяет хетто-лувийский, что далеко не безразлично для исследований древнебалканских языков⁴³.

⁴¹ Так: А. Мауер, *Die Sprache der alten Illyrier*, II, Wien, 1959, стр. 74 и сл.; В. И. Георгиев, *Исследования по сравнительно-историческому языкознанию*, стр. 257; вопреки: VI. I. Georgiev, *L'ethnogenèse de la péninsule balkanique...*, стр. 161 (к лат. *margo*, *-inis*).

⁴² W. Tomaschek, *Die alten Thraker* II, 2, «Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien», CXXXI, Wien, 1894, стр. 94.

⁴³ См. резюме нашего доклада «К вопросу о древнебалканской индоевропейской переходной зоне».

9. Элементы древнего балканского языкового союза, по возможности, на различных синхронных уровнях; тесно примыкает к предыдущей.

10. Армянский и реликтовые языки Балкан, при наиболее вероятной особой близости с фригийским.

11. Балкано-балтийские языковые связи.

12. Балкано-хетто-лувийские лексико-ономастические отношения; одна из наиболее важных в настоящее время проблем, ее значение прежде всего заключается в том важнейшем обстоятельстве, что посредством этимологического сопоставления древнебалканской ономастики с ранне- и позднехеттской (resp. анатолийской) может быть выявлен древнейший из доступных исследованию слой балканской ономастики. Хронологическая гарантия (критерий) древности балкано-хетто-лувийских ареальных изоглосс и одновременно *terminus ante quem* подобных схождений обуславливаются двумя моментами: во-первых, наиболее ранней из всех индоевропейских языков письменной фиксацией хетто-лувийских имен собственных (с начала XIX в. до н.э.) и, во-вторых, тем, что хетто-лувийцы могли покинуть районы центрально-восточной Европы, сопредельные северо-восточным областям Балканского п-ова⁴⁴, в любом случае не позднее последней четверти III тысячелетия⁴⁵.

13. Балкано-славянские языковые связи; имея в виду очень давние указания на их наличие, остается лишь пожалеть, что конкретно эта проблема практически не разработана.

14. Исследование сопредельных районов Юга России с целью установления топонимических связей с древнебалканским регионом (см. упоминавшуюся выше монографию О. Н. Трубачева, где автор приходит к весьма обнадеживающим результатам: внушительное число дославянских гидронимов Правобережья Украины оказалось иллирийского происхождения, меньшее фракийского); проблема тесно примыкает к двум предыдущим.

15. Этногенез балканских народов в свете античных и византийских письменных памятников.

16. Происхождение румынского и албанского в аспекте альтернативы иллирийский: фракийский (дакийский).

17. Размер и конкретное содержание кельтского вклада в ономастику Балканского п-ова.

18. Определение протогреческого ареала.

Естественно, этот список не претендует на исчерпывающий характер, но может быть разбит на множество отдельных подтем и дополнен. Все указанные проблемы находятся на различной стадии разработки; частичная литература помещена выше.

⁴⁴ Частичное обоснование гипотезы относительно данного ареала распространения хетто-лувийских языков в преданатолийский период см. в уже упоминавшейся статье автора «К проблеме генетической принадлежности „неласгского“ догреческого слоя» (стр. 47 и сл.).

⁴⁵ К постановке проблемы в целом см. выступление автора по докладу Дж. Мелларта на Пловдивском симпозиуме по этногенезу Балкан («L'ethnogenèse des peuples balkaniques», стр. 301); а также работы автора: «К реконструкции фракийского» («Первый симпозиум по балканскому языкознанию», стр. 12 и сл.); «Les thèmes lexico-onomastiques „anatoliques“ dans les noms propres thraces», «Résumés des communications. I-er Congrès international de thracologie», Sofia, 1972 (ротапринт); «Некоторые ареальные характеристики хеттского. II. (К балкано-хетто-лувийским изоглоссам в преданатолийский период», сб. «Этимология. 1972» (в печати) и др.